

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44
С19

Andrzej Sapkowski
SAGA O REYNEVANIE
Narrenturm

Печатается с разрешения автора и литературного агентства
NOWA Publishers при содействии
Агентства Александра Корженевского

Сапковский, Анджей.

С19 Сага о Рейневане. Башня шутов / Анджей Сапковский; пер. с польск. Е. П. Вайсброта. — Москва: Издательство АСТ, 2019. — 624 с.: илл. — (Сапковский с иллюстрациями).

ISBN 978-5-17-114617-7

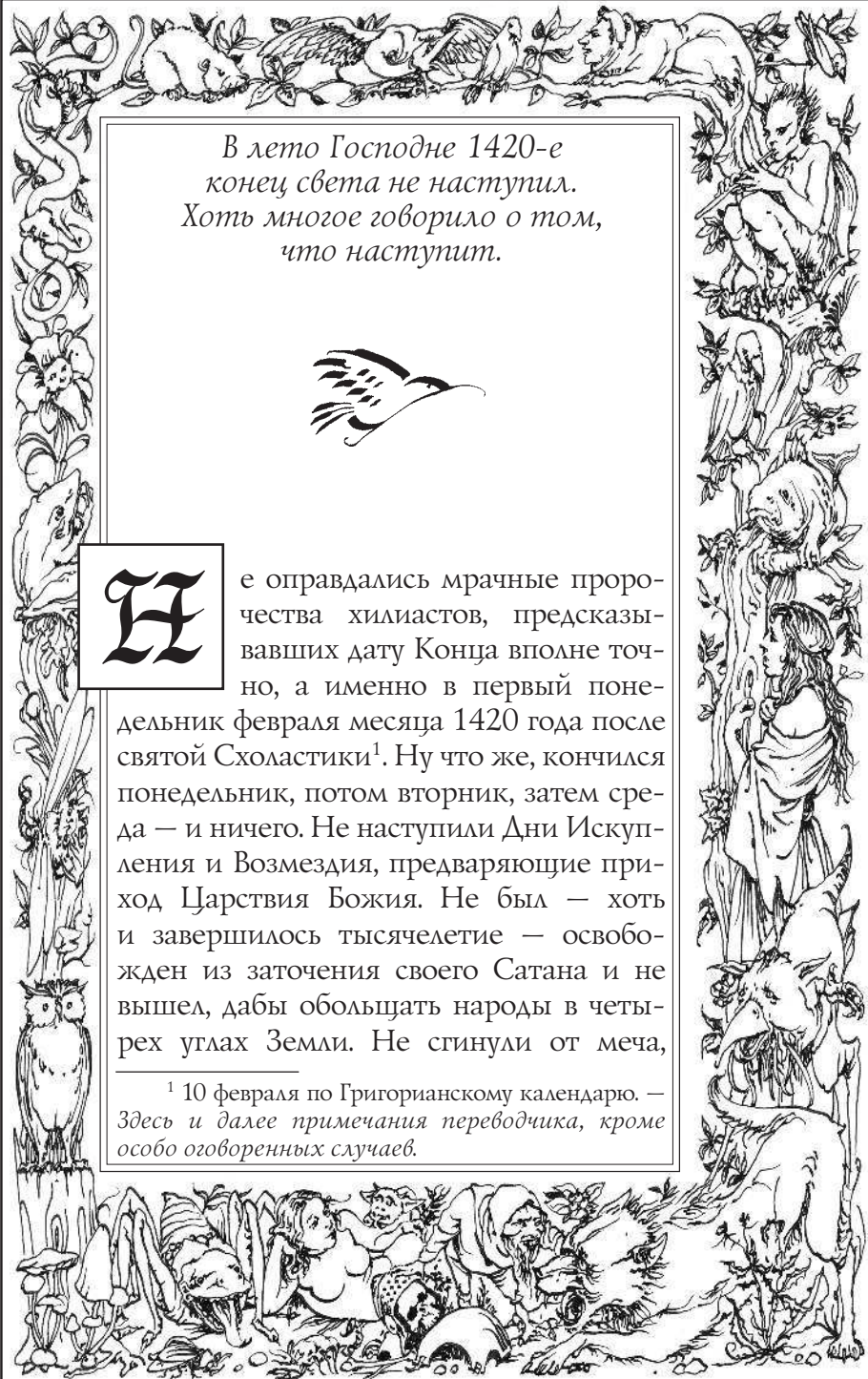
В лето Господне 1420-е конец света не наступил. Хоть многое говорило о том, что наступит. Не наступили Дни Искушения и Возмездия, предваряющие приход Царствия Божия. Не был — хоть и завершилось тысячелетие — освобожден из заточения своего Сатана. Мир не погиб и не сгорел. Во всяком случае — не весь. Но все равно было весело. Особенно юному Рейнмару из Беявы, также известному как Рейневан — травнику, ученому медику и немного чернокнижнику, романтику и идеалисту, в меру поэту и не в меру, как считали иные, дамскому угоднику. И уж особенно — после того, как родственники некоего весьма ревнивого рыцаря прихватили его, что называется на жареном. А дальше закрутилось, понеслось: ожидаемые недруги и неожиданные друзья, грязные трюки и чистое волшебство, тесные узилища и бесконечные дороги Силезии, смерть, любовь и ветер, в котором даже смрад костров Святой Инквизиции не способен перебить запаха перемен.

Нет, это совсем не «Сага о ведьмаке». Это — начало «Саги о Рейневане», блистательной трилогии Анджея Сапковского, посвященной эпохе гуситских войн. Впервые — с иллюстрациями Дениса Гордеева!

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44

ISBN 978-5-17-114617-7

Copyright © Andrzej Sapkowski, 2002
© Е. П. Вайсброт, наследники, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2019

*В лето Господне 1420-е
конец света не наступил.
Хоть многое говорило о том,
что наступит.*

И

е оправдались мрачные пророчества хилястов, предсказавших дату Конца вполне точно, а именно в первый понедельник февраля месяца 1420 года после святой Схоластики¹. Ну что же, кончился понедельник, потом вторник, затем среда — и ничего. Не наступили Дни Искупления и Возмездия, предваряющие приход Царствия Божия. Не был — хоть и завершилось тысячелетие — освобожден из заточения своего Сатана и не вышел, дабы обольщать народы в четырех углах Земли. Не сгнули от меча,

¹ 10 февраля по Григорианскому календарю. — Здесь и далее примечания переводчика, кроме особо оговоренных случаев.

огня, града, града, клыков хищников, скорпионьих жал и змеиного яда все грешники мира и супротивники Бога. Тщетно ожидали верные пришествия Мессии на горах Фавор, Беранек, Ореб, Сион и Оливной, впустую ожидали второго пришествия Христа *quinque civitates*¹, названные в пророчестве Исаяи пять избранных городов, которыми сочли Пильзно, Клатовы, Лоуны, Сланы и Жатец. Конец света не наступил. Мир не погиб и не сгорел. Во всяком случае — не весь.

Но все равно было весело.

Нет, похлебка и впрямь что надо, густая, пряная, да и жира не пожалели. Давненько я такой не пробовал. Благодарствуйте, многоуважаемые, за угощение, благодарствую и тебя, корчмарь. Не побрезгаю ли, спрашиваете, пивом? Нет, пожалуй, нет. Если позволите, то с удовольствием. *Comedamus tandem, et bibamus, cras enim moriemur*².

Не было конца света в 1420 году, не было и год спустя, и два, и три, и даже четыре. Все текло, я бы так сказал, своим естественным порядком: шли войны, множился мор, неистовствовала *mors nigra*³, распространялся глад. Ближний убивал и обворовывал ближнего, алкал жены его и вообще был ему волк волком. Евреям то и дело устраивали какой-никакой погромчик, а еретикам — костерок. Из новенького же — скелеты в потешных прыжках отплясывали на кладбищах, смерть с косою шагала по Земле, инкуб ночью вскальзывал меж дрожащих ляжек спящих девиц, одинокому ездоку на урочище стрыга усаживалась на шею. Дьявол явно вмешивался в повседневные дела и кружил промеж людей *tanquam leo rugiens*, аки лев рыкающий, ищущий, кого бы пожрать.

Много в то время скончалось достойных людей. Нет, конечно, и родилось немало, но как-то уж повелось, что даты рождений по странности в хрониках не записывают и никто их толком не помнит. Ну, может, только матери, да еще в тех случаях, когда у новорожденного оказывалось две головы или по меньшей мере два кутаса⁴. А вот коли смерть, ну, тут уж дата точная, будто в камне высечена.

¹ пять городов (лат.).

² Только глупец может откладывать еду и выпивку на завтра (лат.).

³ черная смерть (чума).

⁴ фаллос (прост.).

Так в 1421 году, в понедельник после Средьпостного воскресенья, умер, прожив отмеренные шестьдесят лет, в Ополе Ян *apellatus*¹ Кропидло, князь пястовских кровей и *episcopus vlocclaviensis*². Перед смертью он пожертвовал городу Ополе шестьсот гривен. Говорят, часть этой суммы пошла во исполнение воли преставившегося на известный опольский бордель «У рыжей Кунди». Услугами этого заведения, размещавшегося на задах монастыря Младших Братьев³, епископ-гуляка пользовался до самой кончины, правда, под конец жизни только в качестве зрителя.

Летом же — точной даты не упомяну — года 1422-го умер в Венсене король английский Генрих V, победитель под Азинкуром. Пережив его всего на два месяца, преставился король Франции Карл VI, к тому времени уже пять лет как вконец свихнувшийся. Корону возжелал получить сын безумца, дофин Карл. Однако ж англичане не признали его прав. Да ведь и сама матушка дофина, королева Изабелла, уж давно объявила его внебрачным сыном, зачатым в некотором удалении от супружеского ложа с вполне нормальным мужчиной. А поскольку незаконнорожденные престол не наследуют, законным монархом Франции стал англичанин, сын Генриха V, малолетний Генричек, всего-то девяти месяцев от роду. Регентом же во Франции стал дядя Генричка, Джон Ланкастер, герцог Бедфорд. Этот на пару с бургундцами держал Северную Францию с Парижем, югом же владели дофин Карл и Арманьяки. А промеж их владений среди трупов на побоищах выли псы.

А в году 1423-м на Троицын день умер в замке Пенискола близ Валенсии Петр де Луна, авиньонский папа, проклятый схизматик, до самой смерти вопреки решениям двух соборов именовавший себя Бенедиктом XIII.

Из других, что в то время померли и которых я помню, скончался Эрнест Железный Габсбург, властитель Штирии, Каринтии, Краины, Истрии и Триеста. Умер Ян Разибор, князь пястовской крови, а одновременно и пшемыслинской. Помер молодым Вацлав, *dux Lubiniensis*, умер князь Генрик, на пару с братом Яном правивший в Зембицах. Умер на чужбине Генрик *dictus* Румпольда, князь

¹ по прозвищу (*лат.*).

² влоцлавский епископ (*лат.*).

³ орден францисканцев-миноритов (*Fratrum Minorum*).

Глогова и ландвойт Верхних Лужиц. Умер Миколай Тромба, архиепископ гнёзненский, муж благородный и умный. Умер в Мальборке Михель Кюхмайстер, Великий Магистр Ордена Пресвятой Девы Марии. Умер также Якуб Ленчак по прозвищу Рыба, мельник из-под Бытома. Ну конечно, признать надо, был он менее знаменитым и известным, нежели вышеназванные, зато я знал его лично и даже пивал с ним. А с теми, что перечислены ранее, мне пивать как-то не доводилось.

Немаловажные события также и в культуре в те времена происходили. Проповедовал вдохновенный Бернадин Сиенский, проповедовали Ян Канти и Ян Капистран, поучали Ян Джерсон и Павел Влодковиц, писали поучения Кристина из Пизы и Фома Кемпийский. Писал свою превосходную хронику Вавжинец из Бжезовой, писал иконы Андрей Рублев, писал Томасо Масаччио, художествовал Роберт Кемпин; Ян ван Эйк, придворный живописец короля Яна Баварского, творил для кафедрального собора Святого Бавона в Генте «Алтарь Мистического Агнца», вельми прелестный полиптих, украшающий ныне часовню Йодокуса Выда. Во Флоренции мэтр Пиппо Брунеллески окончил строительство пренаичудеснейшей часовни над четырьмя нефами церкви *Santa Maria del Fiore*, да и мы в Силезии не хуже — у нас господин Петр из Франкенштейна окончил в городе Ниса строительство весьма пышной церкви, посвященной святому Иакову. Это совсем от Малича недалеко. Кто не бывал и не видел, может побывать и увидеть.

В том же 1422 году, в самую Масленицу, в городе Лида с великой помпой отметил свои годы старый литвин, польский король Ягайло — взял в жены Софью Гольшанскую, девушку в расцвете сил, молоденькую, семнадцатилетнюю, больше чем на полста лет моложе себя. Поговаривали, девица та больше красотой, нежели поведением славилась. Ну, так и забот потом с ней была уйма. Но Ягайло, будто напрочь забыв, как следует тешить юную супружницу, уже в начале лета отправился воевать прусских господ, крестоносцев, стало быть. А потом новому — после Кюхмайстера — Великому Магистру Ордена, господину Павлу Руссдорфскому, чуть ли не сразу после вступления в сан довелось ознакомиться — и крепко — с польским оружием. Как там в Сонкином ложе под балдахинном у Ягайлы дело шло, сказать трудно, но чтобы набить крестоносцам морды, Ягайле силенок хватило. Ходом вещей и в Чешском

королевстве много серьезного в то время творилось. Великое там было возбуждение, большой крови разлив и непрекращающаяся бойня. О чем мне, впрочем, никак говорить нельзя. Соболаговолите, уважаемые, простить деда, но страх — свойствие человеческого, а мне уже не раз доставалось по шеям за лишнее слово. Ведь на ваших, господа, куртках я вижу польские перевязи и отличия, а на ваших, благородные чехи, петухов панов из Доброй Воды и стрелы рыцарей из Стракониц... А вы, воинственный муж Цеттриц, о зубровой голове в гербе мечтаете. А о ваших, господин рыцарь, косых пашечках и грифах я даже сказать ничего не сумею. Да и не исключено, что ты, брат-францисканец, не доносишь *Sanctum Officium*¹, а то, что вы, братья-доминиканцы, доносите, то это уж как пить дать. Потому, сами понимаете, мне в таком международно-разбойном обществе никак невозможно о чешских делах распространяться, не зная, кто тут за Альбрехта стоит, а кто за польского короля и королевича. Кто за Менгарта из Градца и Одржиха из Рожмберка, а кто за Гинка Пташку из Пиркштайна и Яна Колду из Жампаха. Кто тут сторонник Спытка, окружного правителя из Мельштына, а кто — епископа Олесьницкого. А меня вовсе не тянет быть побитым. Я ведь знаю, что получу, потому как уж несколько раз доставалось. Спрашиваете, как так? А вот так: ежели ляпну, что в те времена, о которых я болтаю, бравые чешские гуситы крепко отделили немцев, один за другим в пух и прах раздолбав три папских крестовых похода, то того и гляди получу в лоб от одних. А скажу, что тогда в битвах под Витковым Вышеградом, Жатцем и Немецким Бродом еретики победили крестоносцев с дявольской помощью, то возьмут меня в переделку другие. Так что лучше уж помалкивать, а если что и сказать, так беспристрастно, как и пристало сообщающему, изложить дело, как говорится, *sine ira et studio*², кратко, холодно, по-деловому, и никаких замечаний от себя не добавлять.

Потому я и скажу кратко: осенью 1420 года польский король Ягайло отказался принять чешскую корону, которую ему предлагали гуситы. В Кракове придумали, что корону ту примет литовский *dux* Витольд, которому всегда королевствовать хотелось. Однако, чтобы ни кесаря римского Сигизмунда, ни папу римского

¹ *Inquisitio haereticae pravitatis, Sanctum Officium* — инквизиция.

² без гнева и пристрастия (*um.*).

чересчур-то не раздражать, послали в Чехию Витольдова кузена Сигизмунда, сына Корибуты. Корибутович во главе пяти тысяч польских рыцарей прибыл в Злату Прагу в 1422 году как раз на святого Станислава¹. Однако уже на Трех Царей² следующего года князьку пришлось возвратиться в Литву — так зарились на это чешское наследство Люксембуржец и Одо Колонна — Святой Отец Мартин V. И что скажете? Уже в 1424 году, на Благовещение, Корибутович снова явился в Прагу. На сей раз уже наперекор Ягайле и Витольду, наперекор папе, наперекор римскому кесарю. Как призванный и изгнанный. Во главе себе подобных призванных. И уже не тысячи, как прежде, а всего лишь сотни насчитывающих... В Праге же переворот, как Сатурн пожирал собственных детей, так и здесь лагерь боролся с лагерем. Яна из Желива, обезглавленного в понедельник после поминального воскресенья 1422 года, уже в мае того же года оплакивали во всех церквях как мученика. Твердо так же противилась Злата Прага Табору, но тут нашла коса на камень. То есть на Яна Жижку, великого воина. В лето Господне 1424 года, на второй день после июньских нон³, под Маслешовом у речки Богинки Жижка преподал пражанам жуткий урок. Много, ох много было в Праге после той битвы вдов и сирот.

Как знать, может, и верно сиротские слезы стали причиной того, что потом, в среду перед Гавлом, помер в Пшибыславе неподалеку от моравской границы Ян Жижка из Троцкова, а опосля из Калиха. А погребли его в Карловом Граде; там он и лежит. И как до того одни лили слезы из-за него, так теперь другие оплакивали его самого. Что осиротил их. И потому назвали себя Сиротами...

Но ведь это-то помнят все. Потому как совсем недавние это были времена. А кажутся такими... историческими.

Знаете, господа, как узнать, что время идет историческое? Просто всего происходит очень много и быстро.

Конец света, как сказано, не наступил. Хоть многое указывало на то, что наступит. Ведь начинались — точнехонько как говорили пророчества — большие войны, и большие несчастья достались люду христианскому, и множество мужей тогда сгинуло. Казалось,

¹ 11 апреля.

² Трех волхвов — 6 января.

³ седьмой день в марте, мае, июле и октябре. В остальных — пятый.

сам Бог хочет, чтобы пришествие нового порядка предварила гибель старого. Казалось, что приближается Апокалипсис. Что десятирогий Зверь выползает из бездны. Что вот-вот прогремят трубы и будут сломаны печати. Что низвергнется огонь с небес. Что упадет Звезда Полынь на треть рек и на источники вод. Что человек, увидя след ноги другого на пепелище, примется след тот со слезами целовать.

Порой было так страшно, что, с вашего позволения, аж жопа съеживалась.

Страшное было это время. Злое. Скверное. И ежели пожелаете, господа, расскажу о нем. Ну, так просто, чтобы скуку забить, прежде чем прекратится непогода, что нас тут держит.

Расскажу я вам, если на то будет ваше желание, о том времени, тех людях, которые жили в те времена, и о тех, которые жили, но людьми вовсе не были. Расскажу о том, как и те, и другие боролись с тем, что им то время принесло. С судьбой и с самими собою.

Начинается эта история мило и приятно, туманно и чувственно, радостно и трогательно. Но пусть это вас, любезные господа, не обманывает...

Пусть не обманывает.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,

*в которой читатель имеет возможность познакомиться с Рейнмаром из Белявы, именуемым Рейневаном, причем сразу со всех его наилучших сторон, включая беглое знание *ars amandi*¹, секреты конной езды, тайны Ветхого Завета, не обязательно именно в такой последовательности. Глава повествует также о Бургундии, как в узком, так и в широком смысле.*

В

раскрытое окно комнаты на фоне темного еще после недавней бури неба виднелись три башни: ратуши, самой близкой, чуть подалее — стройной, горящей на солнце новенькой красной черепицей колокольни Святого Иоанна Богослова, а за ней широкого округлого донжона княжеского замка. Вокруг церковной колокольни вились ласточки, напуганные

недавним колокольным звоном. И хотя колокола довольно давно отзвенели, перенасыщенный озоном воздух все еще, казалось, продолжал вибрировать¹.

Совсем недавно звонили колокола церковью Пресвятой Девы Марии и Тела Господня — однако эти колокольни не были видны из окна комнатки на мансарде деревянного дома, будто ласточкино гнездо прилепившегося к комплексу августинского приюта и монастыря.

Был час сексты². Монахи завели «*Deus in adiutorium*»³. А Рейнмар из Белявы, которого друзья называли Рейневаном, поцеловал вспотевшую ключичку Адели фон Стерча, высвободился из ее объятий и, тяжело дыша, пристроился рядышком на постели, горячий от любви.

Из-за стены, со стороны Монастырской улицы, доносились крики, громыхание телег, глухой гул пустых бочек, певучий звон оловянной и медной посуды. Была среда, базарный день, как обычно, привлекающий в Олесницу множество торговцев и покупателей.

*Memento, salutis Auctor
quod nostri quondam corporis,
ex illibata virgine
nascendo, formam sumpseris,
Maria mater gratiae,
mater misericordiae,
tu nos ab hoste protege,
et hora mortis suscipe...*⁴

«Уже распевают гимн, — подумал Рейневан, расслабленно обнимая родившуюся в далекой Бургундии Адель, жену рыцаря Гельфрада фон Стерчи. — Уже гимн. Прямо не верится, до чего бы-

¹ искусство любви (лат.).

² молитва, читаемая около полудня, через шесть часов после восхода солнца.

³ «Боже, да будет воля твоя» (лат.).

⁴ Перевод латинских гимнов, выражений, озорных песен, сведения библиографического характера, а также различные любопытные замечания читатель найдет в конце книги. Однако — заранее предупреждаем — не все. Ведь повествование о Рейневане — литературный вымысел, хоть и точно исторически документированный, однако же свободный от чересчур благоговейного отношения к источникам. Кроме того, в приложениях I и II даны формы и виды рыцарских шлемов и деталей лат того времени.

стро пролетают мгновения счастья. Так хочется, чтобы они длились вечно. Ан нет — проносятся, словно сон...»

— Рейневан... *Mon amour*¹... Мой божественный мальчик... — Адель хищно и ненасытно прервала его дремотные мысли. Она тоже ощущала преходящесть времени, но явно не хотела транжирить его на философские размышления.

Адель была совершенно, полностью, ну то есть абсолютно голой.

«Что город, то норы, что деревня, то обычай, — думал в это время Рейневан. — Как же интересно познавать мир и людей. Женщины из Силезии и немки, к примеру, стоит дойти до главного, позволяют подтянуть их рубашку не выше пупка. Польки и чешки поднимают сами, к тому же охотно, выше груди, но ни за что не снимут совсем. А вот бургундки, ну, эти мгновенно сбрасывают все, видать, их горячая кровь во время любовного упоения не терпит на коже ни лоскутка. Ах, какая прелесть — познавать мир! Нет, похоже, Бургундия распрекрасная страна. Роскошным должен быть тамошний ландшафт. Высокие горы... Крутые холмы... Долины...»

— Ах, аааах, *mon amour*, — стонала Адель фон Стерча, прижимаясь к рукам Рейневана всем своим бургундским ландшафтом.

Рейневану, кстати, было двадцать три года, и с миром он ознакомился, вообще-то говоря, не очень широко. Знал с поддюжины чешек, еще меньше силезок и немок, одну польку, одну цыганку — что же до прочих народностей, то лишь один раз... получил отказ от венгерки. Так что его эротические экспериенции² никоим образом нельзя было отнести к разряду обширных, более того, откровенно говоря, они были достаточно мизерны как количественно, так и качественно. Тем не менее он ими гордился и даже порой задира лоскут. Рейневан, как каждый переполненный тестостероном юноша, считал себя крупным соблазнителем и знатоком любовных дел, от которого у прекрасной половины человечества нет никаких тайн. Однако истина состояла в том, что за одиннадцать встреч с Аделью фон Стерча Рейневан узнал об *ars amandi* больше, нежели за все трехлетнее пребывание в Праге. Однако так и не усек, что именно Адель учит его. Он был убежден, что тут все дело в его старомодных талантах.

¹ Любовь моя (*фр.*).

² опыт, знание дела (*устар.*).

*Ad te levavi oculos meos
qui habitas in caelis
Ecce sicut oculi servorum
ad manum dominorum suorum.
Sicut oculi ancillae in manibus dominae suae
ita oculi nostri ad Dominum Deum nostrum,
Donec misereatur nostri
Miserere nostri Domine...*

Адель ухватила Рейневана за шею и потянула на себя. Рейневан, схватившись за то, за что следовало, любил ее. Любил крепко и самозабвенно и — словно этого было мало — шептал ей на ушко заверения в любви. Он был счастлив. Очень счастлив.

Переполюнявившим его сейчас счастьем Рейневан был обязан — не напрямую, конечно, — святым угодникам. А дело было так.

Чувствуя раскаяние за какие-то грехи, известные только ему и его исповеднику, силезский рыцарь Гельфрад фон Стерча отправился в покаянное паломничество к могиле святого Иакова. Но по дороге изменил планы. Решил, что до могилы явно далековато, а поскольку святой Изя¹ тоже не у сороки из-под хвоста вывалился, то вполне достаточно дойти до Сент-Жилье. Впрочем, добраться до Сент-Жилье Гельфраду также не было дано. Доехал он только до Дижона, где случайно познакомился с шестнадцатилетней бургундкой, очаровательной Аделью де Бовуазен. Адель, совершенно пленившая Гельфрада, была сиротой. Два ее брата — гуляки и вертопрахи — не моргнув глазом выдали сестренку за силезского рыцаря. Хотя по разумению братьев Силезия лежала где-то между Тигром и Евфратом, тем не менее Стерча показался им идеальным зятем, поскольку не очень-то препирался, выговаривая приданое. Так вот и попала бургундка в Генрихдорф, село под Зембицами, землями, пожалованными Гельфраду короной. А в Зембицах, уже как Адель фон Стерча, она приглянулась Рейневану из Белявы.

Взаимно.

— Ааааах! — выдохнула Адель фон Стерча, сплетая ноги на спине Рейневана. — Аааааааааах!

¹ уменьшительное (шутливое) от Израэль, он же Иаков.